

**АЛЕКСАНДР
ДЮМА**

МЮРАТ

История знаменитых преступлений

Александр Дюма

Мюрат

«Public Domain»

Дюма А.

Мюрат / А. Дюма — «Public Domain», — (История знаменитых преступлений)

«Знаменитые преступления» Александра Дюма-отца, быть может, известны менее его романов, однако не менее значимы в его творчестве. Это собрание интригующих историй о знаменитых преступниках и преступлениях в европейской истории – от эпохи Возрождения до XIX столетия, от Англии до России – представляет читателю живописную и устрашающую картину яростных страстей и ярких событий. Вся человеческая мудрость заключается в двух словах: ждать и надеяться.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Александр Дюма

Мюрат

(1815)

18 июня 1815 года, в тот самый час, когда при Ватерлоо решались судьбы Европы, нищенски одетый человек молча шел по дороге из Тулона в Марсель. Добравшись до ущелья Олиульских гор, он остановился на холме, с которого открывался великолепный вид. То ли человек добрался наконец до цели своего путешествия, то ли ему захотелось, прежде чем углубиться в мрачное каменистое ущелье, которое называют Фермопилами Прованса, еще немного полюбоваться чудесным южным пейзажем, раскинувшимся до самого горизонта, но только он уселся на край придорожной канавы; за спиной у него были горы, возвышавшиеся уступами над северной окраиной города, а у ног раскинулась плодородная равнина, словно оранжерея, изобилующая растениями, неизвестными в других частях Франции. За равниной, сверкавшей в последних лучах солнца, простиралось море, ровное и гладкое, как стекло; по его поверхности, подгоняемый свежим бризом, скользил в сторону Лигурийского моря военный бриг. Нищий жадно следил за ним глазами до тех пор, пока он не скрылся между оконечностью мыса Жьен и первым из Иерских островов, а когда белая точка растаяла, тяжело вздохнул, опустил голову на руки и застыл, погружившись в размышления; так он сидел, пока его не заставил вздрогнуть стук копыт. Нищий вскинул голову, тряхнул длинными черными волосами, как будто отгоняя горькие навязчивые мысли, и, взглянув в сторону выхода из ущелья, откуда доносился топот, увидел двух всадников, которых он явно узнал, поскольку тут же встал во весь рост, отбросил посох и, скрестив руки на груди, повернулся к ним лицом. Всадники же, едва завидя нищего, остановились; ехавший первым спешил, бросил поводья спутнику и, несмотря на то, что находился от человека в лохмотьях шагах в пятидесяти, снял шляпу и почтительно двинулся вперед. Нищий стоял с выражением угрюмого достоинства на лице, а когда тот приблизился, спросил:

– Ну как, господин маршал, у вас есть новости?

– Есть, ваше величество, – печально ответил спрошенный.

– И каковы же они?

– Таковы, что я предпочел бы, чтобы их сообщил вашему величеству кто-нибудь другой.

– Значит, император отказался от моих услуг. Неужели он забыл Абукир, Эйлау¹, Москву?

– Нет, ваше величество, он просто вспомнил о неаполитанском договоре, взятии Реджо и объявлении войны вице-королю Италии².

Нищий схватился за голову.

– Да, да, быть может, в его глазах я и заслужил эти упреки, но не должен же он забывать, что во мне сидят два человека: солдат, которого он сделал своим братом, и его брат, которого он сделал королем. Да, как брат, я виноват, и очень виноват перед ним, но как король – небом клянусь! – не мог поступить иначе. Мне пришлось выбирать между шпагой и короной, между полком и народом. Погодите-ка, Брюн³, вы ведь знаете, как все случилось! Был английский

---

¹ *Абукир* – город в Египте, где в 1799 г. Наполеон одержал победу над турками; *Эйлау* – город в Пруссии, где в 1807 г. Наполеон одержал победу над русско-прусской армией.

² В январе 1814 г. Мюрат, в надежде сохранить за собой Неаполитанское королевство, изменил Наполеону, заключил союз с Австрией и Англией и открыл военные действия против вице-короля Италии, пасынка Наполеона принца Евгения Богарне, заняв город Реджо.

³ *Брюн, Гийом Мари* (1763–1815) – маршал Франции, во время Ста дней руководил обороной Южной Франции, убит роялистами в Авиньоне.

флот, и его пушки грохотали в порту, были вопящие на улицах неаполитанцы... Будь я один, я на одном суденышке прорвался бы сквозь флот, саблей пробил бы себе путь сквозь толпу, но со мною была жена, дети. И все же я сомневался: мысль о том, что меня станут называть предателем, перебежчиком, заставила меня пролить больше слез, чем я пролью, теряя трон и даже близких... Словом, я ему не нужен, верно? Не нужен как генерал, капитан, солдат? Что же мне остается делать?

– Ваше величество, вам следует немедленно покинуть Францию.

– А если я не подчинюсь?

– В таком случае я, согласно имеющемуся у меня приказу, должен буду вас арестовать и предать военному суду.

– Но ты же этого не сделаешь – не так ли, мой старый товарищ?

– Сделаю, моля Господа ниспослать мне смерть в тот миг, когда мне придется схватить вас.

– Узнаю вас, Брюн, вам удалось остаться отважным и преданным. Но вам никто не предлагал королевства, никто не возлагал вам на голову огненный обруч, что зовется короной и сводит с ума, никто не заставлял вас выбирать между совестью и семьей. Итак, я должен покинуть Францию, снова начать жизнь скитальца и сказать прости моему Тулону, с которым у меня связано столько воспоминаний. Взгляните, Брюн, – продолжал Мюрат, опершись на руку маршала, – ведь сосны здесь не хуже, чем на вилле Памфило, пальмы – такие же, как в Каире, а горы напоминают Тиролевские. А вон слева мыс – ведь если не считать Везувия, он похож на Каstellамаре и Сорренто! А Сен-Мандрие, закрывающий выход из залива, – разве он не так же хорош, как мой Капри, который Ламарк так ловко отобрал у этого дурня Хадсона Лоу?⁴ О Боже, и все это я должен покинуть! Неужто у меня нет возможности остаться в этом уголке Франции, а, Брюн?

– Ваше величество, я очень сожалею... – отозвался маршал.

– Ладно, не будем больше об этом. Какие новости?

– Император отправился в Париж, к армии. Сейчас, должно быть, идет сражение.

– Идет сражение – и без меня! О, я чувствую, что в бою я мог бы еще ему пригодиться. С каким наслаждением я ударил бы по этим несчастным пруссакам и гнусным англичанам! Брюн, дайте мне пропуск, и я во весь опор поскачу к армии, представлюсь какому-нибудь полковнику и скажу: «Дайте мне ваш полк, я поведу его в бой!» – и если в тот же вечер император не подаст мне руки, я пушу себе пулю в лоб, клянусь честью! Выполните мою просьбу, Брюн, и, как бы ни кончилось дело, я останусь вашим должником на всю жизнь.

– Не могу, ваше величество.

– Что ж, об этом кончено.

– И ваше величество уедет из Франции?

– Не знаю. Впрочем, выполняйте приказ, маршал, и, если вы встретите меня снова, арестуйте, это тоже способ мне помочь. Жизнь стала для меня слишком тяжелой ношей, и я только благодарю того, кто освободит меня от нее. Прощайте, Брюн.

С этими словами он протянул маршалу руку; тот хотел было ее поцеловать, но Мюрат обнял его, и несколько секунд старые товарищи простояли так, со слезами на глазах прижимая друг друга к груди. Наконец прощание кончилось, Брюн вскочил в седло, Мюрат поднял свой посох, и каждый двинулся своей дорогой: первый – чтобы вскоре погибнуть в Авиньоне, второй – быть расстрелянным в Пиццо.

---

⁴ Ламарк, Максимилиен (1770–1832) – французский генерал и политический деятель. Лоу, Хадсон (1769–1844) – английский генерал, в 1808 г. выбитый Ламарком с острова Капри.

А тем временем в Ватерлоо Наполеон, уподобляясь Ричарду III, готов был променять корону на коня⁵.

После описанной нами встречи экс-король Неаполя спрятался у своего племянника по имени Бонафу, капитана второго ранга, однако это убежище могло быть только временным, так как родственник раньше или позже должен был возбудить подозрение властей. Поэтому Бонафу стал подумывать о более надежном пристанище для дяди. Вспомнив об адвокате одного из своих друзей, известном ему неподкупной честностью, он в тот же вечер отправился к нему. Поболтав с адвокатом о всяких пустяках, капитан между делом поинтересовался, нет ли у того домика где-нибудь на берегу моря, и, получив утвердительный ответ, тут же направился туда на завтрак. Его предложение было с радостью принято.

На следующий день в условленный час Бонафу приехал в Бонетт – так назывался деревенский дом, в котором жили жена и дочь г-на Маруэна. Что же до него самого, дела адвокатуры вынуждали его оставаться в Тулоне. После обычных в таких случаях учтивостей Бонафу подошел к окну и подозвал Маруэна.

– Я думал, – с беспокойством в голосе проговорил он, – что ваш дом стоит на самом берегу моря.

– Мы от него минутам в десяти.

– Но где же оно?

– Прямо вон за тем холмом.

– Тогда не прогуляться ли нам перед завтраком по берегу?

– Охотно. Ваша лошадь еще не расседлана, я велю оседлать свою, и отправимся.

Маруэн вышел. Бонафу, погруженный в мысли, остался у окна. Впрочем, обе хозяйки дома, занятые приготовлениями к завтраку, не замечали или делали вид, что не замечают озабоченности гостя. Минут через пять Маруэн вернулся: все было готово. Адвокат и его гость вскочили в седло и поскакали к морю. Там капитан придержал лошадь и около получаса ездил вдоль кромки берега, внимательно изучая его очертания. Маруэн следовал за ним и не задавал никаких вопросов – поведение моряка казалось ему вполне естественным. Наконец, после часовой прогулки, они возвратились в дом. Маруэн велел расседлать лошадей, однако Бонафу возразил, что сразу после завтрака ему нужно будет вернуться в Тулон. И действительно, допив кофе, капитан встал и распрощался с хозяевами. Маруэн, у которого в городе были дела, тоже сел на лошадь, и друзья двинулись в сторону Тулона.

Минут через десять Бонафу подъехал к спутнику и, положив руку ему на бедро, заговорил:

– Маруэн, я хочу с вами серьезно поговорить и доверить важную тайну.

– Слушаю вас, капитан. Вы же знаете, что лучше всех умеют хранить тайны исповедники, за ними идут нотариусы, а за нотариусами – адвокаты.

– Вы, должно быть, прекрасно понимаете, что я приехал сюда отнюдь не ради приятной прогулки. Передо мной стоит важная, ответственная задача, и я из всех своих друзей выбрал вас в надежде, что вы мне достаточно преданы, чтобы оказать нешуточную услугу.

– И правильно сделали, капитан.

– Я буду говорить кратко и без обиняков, как и должно обращаться к человеку, которого уважаешь и на которого рассчитываешь. Мой дядя, король Иоахим, изгнан из страны; сейчас он скрывается у меня, но долго так продолжаться не может, поскольку я первый, к кому за ним придут. Ваш деревенский дом стоит на отшибе и был бы очень удобен в качестве убежища. Я хочу, чтобы вы предоставили его в наше распоряжение до тех пор, пока события не позволят королю принять какое-либо решение.

---

⁵ *Ричард III* (1452–1485) – король Англии в 1483–1485 гг. Автор намекает на персонажа одноименной трагедии Шекспира, в которой Ричард во время битвы при Босворте восклицает: «Коня! Полцарства за коня!»

– Дом к вашим услугам, – просто ответил Маруэн.

– Прекрасно, тогда сегодня вечером дядя будет у вас.

– Но дайте же мне время хоть как-то подготовиться к столь лестному для меня визиту августейшей особы.

– Милый мой Маруэн, это совершенно ни к чему и только вызовет весьма досадную задержку. Король Иоахим уже отвык от дворцов и придворных, сейчас он рад, когда может найти хижину и в ней друга; к тому же, заранее рассчитывая на ваше согласие, я его уже предупредил. Он ожидает, что сегодня вечером будет ночевать у вас, и если я теперь попробую что-нибудь изменить, он воспримет простую отсрочку как отказ, и вам не удастся сотворить доброе дело. Итак, решено, сегодня, в десять вечера, на Марсовом поле.

С этими словами капитан пустил лошадь в галоп и вскоре скрылся из виду. Маруэн повернул назад и вернулся домой, чтобы сделать необходимые распоряжения для приема гостя, имени которого он не назвал.

Как и было условлено, в десять вечера Маруэн явился на Марсово поле, которое в тот день было забито артиллерией маршала Брюна. Никого не увидев, он стал прогуливаться между повозками, но вскоре к нему приблизился караульный и осведомился, что он тут делает. Маруэн не нашелся что сказать – в десять часов вечера люди не гуляют ради развлечения среди пушек – и попросил позвать начальника караула. Офицер подошел; Маруэн представился как адвокат, заместитель мэра города Тулона, и объяснил, что назначил здесь одному человеку свидание, не зная, что это запрещено, и теперь его ждет. Выслушав объяснение, офицер позволил ему остаться и вернулся к себе на пост. Часовой же, подчинившись его решению, продолжал мерно расхаживать туда и сюда, не обращая более внимания на постороннего.

Через несколько минут со стороны Лис показалась большая группа людей. На безоблачном небе ярко светила луна. Узнав Бонафу, Маруэн шагнул ему навстречу. Капитан взял его за руку, подвел к королю и проговорил:

– Ваше величество, вот друг, о котором я говорил. – Затем, повернувшись к Маруэну, он обратился к нему: – Перед вами Неаполитанский король, изгнанник и беглец. Вверяю его вам. Не говорю о том, что однажды он, быть может, вернет себе корону, иначе вы были бы лишены возможности бескорыстно совершить доброе дело. А теперь отправляйтесь вперед, а мы последуем за вами на расстоянии.

Адвокат с королем тут же двинулись в путь. На Мюрате в тот вечер был голубой редингот полувоенного покроя, застегнутый на все пуговицы, белые панталоны и сапоги со шпорами. Он носил тогда длинные волосы, усы и густые бакенбарды, доходившие до самой шеи. На протяжении всего пути он расспрашивал адвоката о расположении деревенского дома, где он будет жить, и о возможности, в случае тревоги, быстро оказаться на берегу. Около полуночи король и Маруэн прибыли в Бонетт, а через десять минут к ним присоединилась свита, насчитывавшая человек тридцать. После небольшой закуски эта группа, последний двор низложенного короля, рассеялась по окрестностям, и Мюрат остался с двумя женщинами да камердинером по имени Леблан.

Почти месяц Мюрат прожил в полном уединении, целыми днями отвечая газетам, обвинявшим его в том, что он предал императора. Это обвинение занозой сидело у него в сердце, было призраком, который он тщетно силился прогнать, день и ночь пытаясь отыскать в трудном положении, в котором он тогда оказался, причины, вынудившие его поступить именно так, а не иначе. Тем временем пришла весть о сокрушительном поражении при Ватерлоо. Предавший его опале император теперь сам попал в опалу и, так же как Мюрат в Тулоне, ждал в Рошфоре решения врагов на свой счет. Неизвестно, какому внутреннему голосу внял Наполеон, когда, отвергнув советы генерала Лальмана и преданность капитана Бодена⁶, предпочел

---

⁶ Лальман, Шарль Франсуа Антуан (1774–1839) – наполеоновский генерал-артиллерист, в 1816–1831 гг. жил в эмиграции

Англию Америке и, словно новый Прометей, удалился на скалы Святой Елены. Мы лишь расскажем, какая цепочка случайностей привела Мюрата в крепостной ров города Пиццо, а там пусть фаталисты сами делают из этой необычной истории любые философские выводы. Перед вами лишь простая хроника событий, поэтому мы отвечаем лишь за точность изложенных в ней фактов.

Людовик XVIII снова вступил на трон, и Мюрат потерял всякую надежду остаться во Франции; нужно было уезжать. Его племянник Бонафу зафрахтовал бриг на имя князя Рокка Романа для рейса в Соединенные Штаты. Вся свита была уже на борту; на корабль начали грузить ценности, которые изгнаннику удалось спасти после утраты своего королевства. Это был, прежде всего, мешок золота весом почти в сто фунтов, затем гарда от шпаги с портретами короля, королевы и детей, а также семейные бумаги, завернутые в бархат и украшенные его гербом. Сам Мюрат имел при себе пояс, в котором были зашиты несколько ценных документов и штук двадцать неоправленных алмазов, стоимость которых он сам определял в четыре миллиона.

Наконец, когда все приготовления к отплытию закончились, было условлено, что 1 августа, в пять часов утра, бриг придет за королем в небольшую бухту, находящуюся в десяти минутах пути от дома, где он жил. Ночью король объяснил Маруэну, как тот может добраться до королевы, которая в ту пору пребывала, кажется, в Австрии. К тому моменту, когда нужно было уже уходить, он покончил с объяснениями и, покидая гостеприимный дом, где так долго скрывался, передал хозяину маленький томик Вольтера. Под сказкой «Микромегас» король написал:

*«Не беспокойся, милая Каролина: я хоть и несчастен, но свободен.
Уезжаю неизвестно куда, но, где бы я ни оказался, сердце мое всегда будет
с тобою и детьми.
И. М.».*

Десять минут спустя Мюрат и Маруэн уже ждали на берегу шлюпку, которая должна была доставить беглеца на судно.

Они прождали до полудня, но шлюпка так и не появилась, а между тем на горизонте маячил бриг, который из-за большой глубины не мог стать на якорь и крейсировал вдоль берега, подвергаясь риску быть замеченным выставленными везде часовыми. В полдень, когда измученный король заснул под жаркими лучами солнца прямо на песке, из дома пришел слуга со снедью, на всякий случай посланной обеспокоенной г-жой Маруэн. Король выпил стакан воды с вином, съел апельсин и встал, чтобы посмотреть, не виднеется ли где-нибудь вдали долгожданная шлюпка. Но море было пустынно, и лишь на горизонте изящно покачивался бриг: ему, словно застоявшейся лошади, не терпелось отправиться в путь.

Тяжело вздохнув, король снова улегся на песок. Слуга вернулся в Бонетт с приказом отправить на берег брата г-на Маруэна. Четверть часа спустя тот появился и почти сразу же галопом поскакал в Тулой, чтобы выяснить у Бонафу причину, по которой за королем не прислали шлюпку. Добравшись до дома, где жил капитан, он увидел, что там полным-полно солдат: к нему пришли с обыском в поисках Мюрата. В суматохе посланцу удалось подойти к капитану, и тот сказал, что шлюпка вышла в назначенный час и, скорее всего, заплутала в бухточках между Сен-Луи и Сент-Маргерит. Так, кстати, и было на самом деле. В пять часов посланец сообщил об этом своему брату, г-ну Маруэну, и королю. Те не знали, что предпринять. У короля больше не осталось мужества для борьбы за свою жизнь и даже для бегства: он совсем пал духом, что случается даже с самыми сильными людьми, и был не в силах принять никакого

в США; *Боден, Шарль* (1784–1854) – капитан первого ранга, предлагавший Наполеону прорвать морскую блокаду и вывезти его в США.

решения, предоставив г-ну Маруэну действовать по собственному усмотрению. В этот миг они увидели рыбака, с песнями возвращающегося в гавань, и Маруэн тут же его подозвал.

Для начала адвокат купил у рыбака весь его улов и, расплатившись с ним, показал золотые монеты и предложил три луидора за то, чтобы тот доставил пассажира на бриг, виднеющийся против Круаде-Синьо. Рыбак согласился. Этот шанс спастись придал Мюрату сил: он вскочил на ноги, обнял г-на Маруэна, напомнил, что тот должен передать его жене томик Вольтера, после чего вскочил в лодку, и та немедленно двинулась к бригу.

Лодка находилась уже довольно далеко от берега, когда Мюрат вдруг остановил гребца и знаком показал Маруэну, что забыл что-то на берегу. На песке и впрямь остался дорожный мешок с парой великолепных пистолетов, украшенных позолоченным серебром, которые ему подарила королева и которыми он необычайно дорожил. Когда шлюпка приблизилась к берегу настолько, что уже можно было крикнуть, Мюрат сообщил хозяину о причине своего возвращения. Тот подхватил мешок и, не дожидаясь, пока Мюрат ступит на берег, кинул его в лодку, однако при падении мешок раскрылся, и один из пистолетов вывалился наружу. Рыбак взглянул на королевское оружие лишь краем глаза, но этого оказалось достаточно, чтобы великолепный пистолет вызвал у него подозрения. Тем не менее рыбак продолжал грести в сторону брига. Г-н Маруэн, видя, что они удаляются, оставил брата на берегу, в последний раз помахал королю рукой и, увидев его ответный взмах, вернулся домой, чтобы успокоить тревогу жены и несколько часов отдохнуть, в чем он крайне нуждался.

Через два часа его разбудили явившиеся с обыском жандармы. Они облазили весь дом, но не нашли ни малейшего следа пребывания короля. В самый разгар их поисков вернулся брат; Маруэн с улыбкой взглянул на него, полный уверенности, что король спасен, однако по выражению лица прибывшего понял, что случилась какая-то новая беда. Улучив момент, когда жандармы вышли из комнаты, он подошел к брату и спросил:

- Ну как, король, надеюсь, уже на борту?
- Король в пятидесяти шагах отсюда, прячется в сарае.
- Почему же он вернулся?
- Рыбак решил, что будет буря, и отказался доставить его на бриг.
- Вот негодяй!

В комнату вернулись жандармы.

Они провели всю ночь, тщетно обшаривая дом и службы, и неоднократно проходили буквально в нескольких шагах от короля, так что Мюрат мог слышать их угрозы и проклятья. Наконец за полчаса до рассвета жандармы удалились. Маруэн дал им отойти подальше и, едва они скрылись из виду, бросился к королю. Тот лежал в дальнем углу сарая, держа в каждой руке по пистолету: бедняга не сумел побороть усталость и заснул. Маруэн немного помедлил: ему было жаль возвращать короля к его скитальческой и беспокойной действительности. Однако нельзя было терять ни минуты, и он разбудил Мюрата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.